

ПРАВОВЫЕ СТРАТЕГИИ
КАК КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДЕЛИ:
ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ

Ю. Е. ПЕРМЯКОВ*

Поскольку юридическая наука описывает те фрагменты правовой действительности, к которым применимо определение «как таковой», ни один субъект права не выступает в качестве непосредственного объекта познания, но лишь как мыслимая внутри правовой ситуации модель поведения. Иначе говоря, субъект права познается юридической наукой в той мере, в которой ей удастся построить некий алгоритм его поведения, именуемый правовой стратегией. Правовая мысль, ориентированная в описании права на бытие абсолютных ценностей, единичной государственной воли, однозначно возникающих из юридического факта, не нуждается в том, чтобы к имеющемуся тезаурусу прибавить еще один термин. Для обоснования научно-категориального статуса правовой стратегии необходимо опуститься с уровня абстрактно-теоретических рассуждений о сущности права до уровня практики реализации прав и обязанностей, что в онтологическом аспекте понимается как особый способ конфликтного существования субъекта права, названный в свое время Р. Йерингом «борьбой за право». Интерес к вопросу о правовой стратегии оправдан, если правовая реальность мыслится не просто как поле различных по своей оптимальности решений, а как столкновение позиций, чреватых для тех, кто их занимает, смертью, утратой правосубъектности, конкретного блага или желаемого правового статуса. Правовая стратегия представляет собой не деятельность как таковую, а особый тип коммуникации, в котором субъект права реагирует, т. е. вступает во взаимодействие в ситуации неопределенности. Правовая стратегия предназначена для формирования условий правового общения, первоначально она заявляет о себе в акте правовой артикуляции и выборе юридических конструкций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовая коммуникация, правовая стратегия, правовое суждение, субъект права, игровая ситуация, правовая технология, правовое мышление, методология юридической науки.

PERMYAKOV YU. E. LEGAL STRATEGIES AS MODELS OF COMMUNICATION: THE PROBLEM OF DESCRIPTION

Since legal science describes those details of the legal reality to which the definition of “as such” is applicable, neither right holder is a direct object of cognition, but rather a model of behaviour conceivable within the legal situation. In other words, the legal

* Пермяков Юрий Евгеньевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, международного права Самарского государственного университета.

Permyakov Yuri Evgenyevich — candidate of legal sciences, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law of the Samara State University.

E-mail: permyakov54@mail.ru

© Пермяков Ю. Е., 2014

science perceives the right holder insofar as it manages to establish an algorithm of the right holder's behaviour which is called "a legal strategy". The legal thought, which in the description of law is directed at the existence of absolute values, of individual state will which definitely arises out of a legal fact, does not require adding one more term to the existing thesaurus. In order to substantiate the scientific and categorical status of the legal strategy, it is necessary to move from abstract theoretical discussions about the essence of law to the practice of implementation of rights and duties. In terms of ontological aspect, it is understood as a special means of conflict existence of the right holder which R. Ihering called "the struggle for law". The interest to the issue of the legal strategy is justified, if the legal reality is perceived not as a field of different in their optimality decisions, but as a collision of positions which can lead those who take them to death, loss of legal personality, of a specific good or of a desirable legal status. The legal strategy is not an activity as such, but rather a special type of communication by means of which the right holder reacts, that is interacts in an uncertain situation. The legal strategy is used to form the conditions of legal communication. Initially it manifests itself in the act of legal articulation and in the choice of legal constructions. **KEYWORDS:** legal communication, legal strategy, legal judgment, right holder, game situation, legal technique, legal thought, methodology of legal science.

Поскольку юридическая наука описывает лишь те фрагменты правовой действительности, к которым применимо определение «как таковой», ни один субъект права не выступает в качестве непосредственного объекта познания, но лишь как мыслимая внутри правовой ситуации модель поведения. В рамках юридической науки нельзя изучать *вот этого* прокурора или *вот этого* потерпевшего, но можно изучать тип поведения, именуемый прокурорским реагированием, или норму, предписывающую потерпевшему образ действий по защите своих интересов. Иначе говоря, субъект права познается юридической наукой в той мере, в которой ей удается построить некий алгоритм его поведения, именуемый правовой стратегией.

Поскольку официальное признание статуса сопряжено для власти с предоставлением его носителю реальной защиты, юридическая наука обязана раскрыть механизм правового регулирования не только как технологию управления, порядок делопроизводства, инструкцию по осуществлению какой-либо деятельности, но и как конструкцию, предназначенную для инстанции, т. е. затрудняющую неприемлемые стратегии защиты права и ограничивающую его ложные толкования.

Ближе всего к проблематике правовой стратегии расположены науки, исследующие конкурентную борьбу, информационные технологии и особенно юридический процесс, в котором декларируемый законом принцип состязательности предполагает множественность субъектов права и наличие разнообразных процессуальных противников и партнеров.¹ В научной и учебной литературе криминалистического и криминологического цикла также устоялись темы, в обсуждении которых уместно поня-

¹ См., напр.: Михайловская Н. Г., Одинцов В. В. Искусство судебного оратора. М., 1981; Мельниковский М. Беседа с подзащитным: стратегия и тактика // Советская юстиция. 1993. № 7. С. 14–15; Стойко Н. Г. Стратегии уголовного процесса и их совместимость // Российский следователь. 2006. № 4. С. 12–15; Чашин А. Н. Стратегия и тактика адвокатской деятельности. Учеб. пособие. М., 2008; Гоулд Ф. Стратегическое планирование избирательной кампании // Полис. 1993. № 4. С. 134–138; Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / пер. с фр. И. Окуневой. М., 2002.

тие «стратегия».² В недавнее время понятия «тактика» и «стратегия» стали использоваться при освещении различных аспектов правовой защиты, в частности, при обсуждении компромиссов в уголовном праве, оптимальных моделей поведения кредитора при взыскании долга и т. д.³ Наконец, с недавних пор правовые стратегии стали предметом изучения общеправовой теории.⁴ Повышением исследовательского интереса к правовым стратегиям мы обязаны в первую очередь отказу от наивного понимания правовой реальности, где кроме государства, создающего право, никто не обладает признаками субъекта, судьба которого напрямую зависела бы от характера его участия в правовых отношениях.

О стратегии поведения или же о стратегии как таковой уместны упоминания прежде всего в том случае, когда речь идет о войне, политике, спорте, предпринимательстве, менеджменте, массмедиа или методологии научного исследования, поскольку именно в агональных моделях коммуникации, для которых характерны захват пространства, борьба, соперничество, нападение и защита, поражение и победа, объективно высока вероятность принятия ошибочных решений и, соответственно, несения каких-либо утрат.⁵ Тот, кому нечего терять, вопросами стратегии не озабочен.

---

² Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003; Саморока В. А. Тактика допроса и стратегия поведения // Российский следователь. 2005. № 12. С. 2–4; Головина Е. В. Ошибки в выборе стратегии и тактики расследования преступлений: субъективно-психологический аспект // Известия Тульского гос. ун-та. 2009. № 1. С. 350–353; Филиппов А. Г. О криминалистической стратегии как самостоятельном разделе науки криминалистики // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика. 8-я (внеочередная) междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. П. Куширенко. СПб., 2012. С. 130–133.

³ Панченко П. Н. Стратегия законности и тактика компромисса в уголовном праве // Право. 2014. № 1. С. 107–116; Мальцев А. Построение стратегии защиты товарного знака // Корпоративный юрист. 2006. № 7. С. 34–36; Малкин О. Управление задолженностью. Стратегии взыскания долгов и защиты от кредиторов. М., 2007; Трешкин М. Как мошенники укрывают имущество // www.trepashkin.com/news/articles?id=123.

⁴ Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология. К вопросу о соотношении // Проблемы юридической техники. Сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Ниж. Новгород, 2000. С. 16–23; Нургалеев Ш. Х., Чинчикова Г. Б. Правовая тактика и правовая стратегия. Вопросы теории соотношения и практики // Юридическое образование и наука. 2006. № 2. С. 34–36; Мазуренко А. П. Стратегия законоотворчества и правотворческая политика: проблемы соотносимости // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 2. С. 73–75; Миронов А. Н. Юридическая стратегия в правотворческой деятельности // Российская юстиция. 2007. № 6. С. 43–47; Стрельников К. А. Государственно-правовая стратегия как категория современной юридической науки // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 8. С. 3–4; Даниленко И. Н. Определение понятия «правовая стратегия» // История государства и права. 2011. № 17. С. 10–13; Поцелуев С. П. Диалог как властная стратегия // Философия права. 2011. № 2. С. 123–127; Максуров А. А. Координационная юридическая стратегия: проблема определения // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. Вып. 2(12). С. 23–25; Фалькина Т. Ю. Юридическая стратегия как важнейший элемент юридической технологии // Вестник Московского ун-та МВД России. 2012. № 2. С. 135–137; Правкина И. Н. Роль правовых стратегий в современном праве // История государства и права. 2013. № 12. С. 30–33.

⁵ Наверное, приоритет в рассуждениях о стратегии и тактике принадлежит военным, в частности, здесь уместно назвать книги Карла Клаузевица о принципах ведения войны, написанные им в 1820-е гг. и изданные под разными названиями после его смерти (см., напр.: Клаузевиц К. фон. Принципы ведения войны. М., 2009). Интересный материал о методике и планах воздушного боя содержится также в книге известного летчика, легендарного героя Великой Отечественной войны А. И. Покрышкина, составленной на основе его дневниковых записей 1941–1944 гг. (Покрышкин А. И. Крылья истребителя. М., 1944). Сформулированные им принципы (например, учет пространственных пределов преимуществ противника при

Поэтому правовая мысль, ориентированная в описании права на бытие абсолютных ценностей, единичной государственной воли, однозначно возникающих из юридического факта правоотношений или неустраняемого из жизни государства народа, вряд ли нуждается в том, чтобы к имеющемуся тезаурусу прибавить еще один термин. Диверсификация законодательных или судебных решений, допускаемая теорией, описывающей право как удерживаемый в одних руках инструмент регулирования общественных отношений или развития правовой системы в целом, также не дает повода помыслить о стратегии, поскольку в аспекте юридической техники (технологии) любая ошибка интерпретируется всего лишь как промах, отклонение от алгоритма, исключение из правил. И даже в рассуждениях о правовой политике постановка вопроса о стратегии может быть избыточной, если ее субъектом мыслится уникальное, т. е. единственным образом существующее, государство наряду с полагающимися ему согласно политической теории неустраняемыми приложениями — территорией, населением, общественными интересами, социальными ролями, институтами, властью и т. д. Конечно, курс на реализацию важнейших и долговременных интересов общества может быть назван стратегией, но в этом случае излишне именовать его правовым и тем более придавать термину «правовая стратегия» значение категории юридической науки, как это без методологического обоснования предлагает, например, К. А. Стрельников.⁶

Политические стратегии могут сопровождаться мерами правового обеспечения, что не придает им принципиально нового качества, поскольку субъект политической жизни мыслится за рамками самого права, он аксиоматично задан самой конструкцией повествования. Р. Дворкин в своей известной книге также употребляет в описании права термин «стратегия», однако он сразу предостерегает: «“Стратегией” я называю стандарт, формулирующий необходимость достижения некоторой цели, обычно связанной с улучшением каких-то экономических, политических или социальных условий в обществе (хотя некоторые цели являются негативными — в том смысле, что они требуют защиты существующего положения от неблагоприятных изменений)».⁷ Так, требование, гласящее, что количество автомобильных аварий должно уменьшаться, с его точки зрения, есть стратегия, которая может быть положена в основание правовой нормы (в отличие от принципов, которые образуют ее моральные основания безотносительно к полезному эффекту).⁸ Задействованные в правовой ситуации психологические, экономические и политические по своему характеру модели поведения остаются за пределами предмета юридической науки.

избрании оптимальной высоты боя), на мой взгляд, имеют универсальный характер и вполне пригодны при разработке стратегии правовой защиты по конкретному делу (в частности, выбор суда в случае альтернативной подсудности при наличии зависимости преимуществ процессуального противника от территориального расположения официальной инстанции). Одно из первых теоретических рассуждений о тактике и стратегии игры предпринял Макс Эйве, известный шахматист, автор книги «Стратегия и тактика. Курс шахматных лекций» (1936 г.). Им был поставлен вопрос о соотношении стратегии и тактики, общих принципах стратегии и особенностях тактической (комбинационной) игры (см. подробнее: *Эйве М. Стратегия и тактика. Курс шахматных лекций.* М., 2013).

⁶ *Стрельников К. А.* Государственно-правовая стратегия как категория современной юридической науки. С. 3, 4. — См. также: *Голощапов А. М.* Конституционные основы становления государственно-правовой стратегии Российской Федерации // *Государство и право.* 2006. № 11. С. 95–100.

⁷ *Дворкин Р.* О правах всерьез. М., 2004. С. 45.

⁸ Там же.

Для обоснования научно-категориального статуса правовой стратегии необходимо опуститься с уровня абстрактно-теоретических рассуждений о сущности права до уровня практики реализации прав и обязанностей, что в онтологическом аспекте понимается как особый способ конфликтного существования субъекта права, названный в свое время Р. Йерингом «борьбой за право». Движение к стратегической цели — обретению статуса и реализации права — затруднено, поскольку двигаться приходится совместно с политическим или процессуальным противником, конкурентом, иначе говоря, притязающим на благо и преследующим свои цели субъектом права. Я бы сравнил это движение с вальсирующей парой, где партнеры не только готовы укусить друг друга, но еще и навязывают друг другу разный темп и даже разный танец.

Итак, интерес к вопросу о правовой стратегии оправдан, если правовая реальность мыслится не просто как поле различных по своей оптимальности решений, но и как столкновение позиций, чреватых для тех, кто их занимает, смертью, утратой правосубъектности, конкретного блага или желаемого правового статуса. Общие стратегические начала кажутся всем очевидными, хотя, пожалуй, трудно найти источник, где бы были изложены правила и вытекающие из этих начал принципы. Так, ввиду того что само основание для обращения в суд не служит гарантией справедливого решения, заявление в суд следует подавать не тогда, когда появился законный повод, а когда есть предпосылки для вынесения желаемого решения. В суде дело можно и проиграть. В то же время решение суда, в котором было отказано в жалобе или иске, фактически легитимирует действия обидчика на неопределенно долгий срок. Поэтому не следует спешить подавать заявление в суд, полагаясь на то, что справедливость восторжествует сама собой.

Как видим, эти соображения продиктованы не общей логикой социального устройства и развития, не безликой политической волей, не программными установками и доктринами, не экономической необходимостью или исторической закономерностью, а практикуемыми действиями иных субъектов права, вовлеченных в правовое общение. Стратегия есть там, где движение к конечному результату опосредовано игровой ситуацией, непредставимой без наличия противника и партнера.

Чтобы обсуждение правовой стратегии не оказалось встречей со старыми схемами и повторением известных истин с обновленной терминологией, правоведам нужно по крайней мере признать, что на поведенческом уровне субъекта, индивидуального или коллективного, на котором, кстати говоря, только и обретает свое практическое значение юридический факт, возможны самые различные комбинации юридических последствий. Субъект права рассматривается юридической наукой как объект, образ поведения которого вписывается в логику права, т. е. некую обусловленную правовыми нормами последовательную цепочку актов. Это означает, что суждения, содержащие правовые притязания, исходят от субъекта права согласно его статусу и в соответствии с юридической процедурой, внутри которой он расположен. Обычное судебное разбирательство навевает скуку на обывателей и журналистов именно потому, что действия и речи его участников, подчиняющихся предписанному порядку, легко прогнозируемы, шаблонны и ожидаемы. Однако из стандартных ходов следуют неожиданные комбинации, на которые отечественная юридическая наука пока что обращает мало внимания. Ей необходимо отказаться от такой теоретической модели действия и реализации права, где кроме нормы права и адресата, которому она предназначена, нет никого, кто бы смог оказать влияние на содержание принимаемого им решения.

Между тем описание правового решения представляет собой непростою для юридической науки задачу. Она не предназначена для описания мысли. Востребованная для этой цели герменевтическая методология вряд ли годится, поскольку интерпретативные стратегии эксплицируются в границах индивидуальной деятельности и нацелены на норму как уже состоявшийся объект интерпретации. Известны не только норма, но и статус, функции субъекта права. «Юридическая интерпретация дифференцируется в зависимости от основной функции, осуществляемой субъектом в правовом поле», справедливо утверждает М. А. Беляев.⁹ Констатация этой функции, всегда производной от статуса, приводит М. А. Беляева к логичному выводу о единственно возможной правовой стратегии в поведении субъекта права: «Поскольку субъект — носитель обыденного правосознания обладает единственной значимой функцией — инициированием актов правовой коммуникации, то его стратегия может быть названа интерпретативно-апеллятивной (лат. *appello* — обращаться к кому-либо)».¹⁰ С его точки зрения, логика профессионального правосознания учитывает задачи реального применения норм права, а потому названа им интерпретативно-аппликативной, что «подчеркивает ее основную цель — применение нормы».¹¹ При такой постановке формулирование начал каких-либо иных стратегий в рамках заявленной методологии не предвидится. В итоге правовая реальность редуцируется в лучшем случае до четырех участников правового общения, в котором каждый из них вынужден пребывать лишь в том качестве, которому соответствует его основная функция — гражданина, правоприменителя, законодателя и правоведа.

Однако современный взгляд на правовую реальность допускает, что исполнение правовых предписаний — далеко не главная цель, которую преследует субъект, наделенный правовыми возможностями. Нельзя сказать, что теория государства и права об этом не подозревала: различие правовых актов и правовых поступков в учении о юридических фактах как раз основано на том, что поступки совершаются с целью, далекой от приобретения соответствующих прав или обязанностей. Однако это допущение не меняло общей картины мира, в котором нормы устремлялись на людей, принуждая их к соблюдению и не оставляя им никаких шансов на встречу с иной реальностью.

Правовая стратегия представляет собой не деятельность как таковую, а особый тип коммуникации, в котором субъект права реагирует, т. е. вступает во взаимодействие в ситуации неопределенности. Объектом наблюдения оказываются не факты, а ожидания. Действие партнера обусловлено не состоявшимся фактом, а угадываемой возможностью. Иные участники правового общения присутствуют в качестве, которое не подлежит однозначной юридической квалификации. Подозреваемый в правонарушении не знает, каковы последствия его ответа на вопрос, который задает следователь. И даже в том, что субъект права готов в своей деятельности соответствовать своему статусу, уверенности нет. Так, судья, принимающий дело к своему производству, может вовсе не иметь в своих

⁹ Беляев М. А. 1) Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика. Автореф. дис. ... к. филос. н. Воронеж, 2009. С. 22; 2) О субъектном (деятельностном) основании дифференциации юридико-интерпретативных стратегий // Проблема правосубъектности: современные интерпретации / отв. ред. Ю. Е. Пермяков, Т. Б. Замотаева, В. И. Толмосов. Вып. 7. Самара, 2009. С. 25.

¹⁰ Беляев М. А. Научное познание права... С. 22–23.

¹¹ Там же. С. 23.

планах вынесение законного решения, по каким-либо причинам ему трудно состояться в качестве авторитетного субъекта официального правового суждения. Иногда ожидаемые решения страшат своими юридическими, экономическими или политическими последствиями. Это обстоятельство не может не влиять на тактику ведения процесса, который может продолжаться бесконечно долго, сопровождаться надуманными процессуальными осложнениями и в конечном счете утратить свой актуальный практический смысл в волоките. В итоге правовая стратегия участника процесса заключается в том, чтобы принудить судью к законному решению, т. е. заставить его стать тем субъектом, который существует лишь номинально.

Представляется методологически правильным в понимании правовой стратегии исходить из того, что участники правового общения не просто констатируют некие факты, квалифицируют обстоятельства и интерпретируют нормы, а, по выражению А. В. Полякова, создают актуальные тексты.¹² Правовая стратегия предназначена для формирования условий правового общения, первоначально она заявляет о себе в акте правовой артикуляции и выборе юридических конструкций.

Правовая артикуляция — это интерпретация конфликтной ситуации в терминах права. Она служит формальной основой для выбора соответствующей тактической модели правовой защиты. Невозврат долга может быть сочтен нарушением договорных обязательств — или мошенничеством. Юридическая артикуляция предполагает осведомленность о полномочиях инстанции и перспективах принятия заявления к рассмотрению.

Мы привыкли отождествлять правовой анализ ситуации и юридическую квалификацию. Если анализ произведен объективно, то он действительно может представлять собою строгую юридическую квалификацию и не более того. Но такой анализ возможен лишь для не заинтересованной в исходе дела официальной инстанции. Все учреждения и должностные лица претендуют на эту роль, однако у всех из них есть собственные профессиональные интересы, а следовательно, свои цели. Стало быть, не всякий результат юридической квалификации может их устроить, поскольку не всякая квалификация совпадает с соображениями должностных лиц о карьере, успехе или согласуется с их ведомственными интересами или морально-политическими предпочтениями. Даже судья, по большому счету, никогда не бывает незаинтересованной инстанцией. В душном помещении летом он будет отдавать предпочтение тем, кто умеет говорить кратко, а в последний день перед отпуском вряд ли способен объективно рассмотреть ходатайство участника спора об отложении дела на завтра.

Стратегия восстановления нарушенного права подразумевает довольно сложную комбинацию тактических решений, создающих необходимые юридические условия для вынесения законного решения. Так, в случае восстановления нарушенного права первая задача юриста заключается в том, чтобы максимально четко и полно зафиксировать сам факт и объем правонарушений. Сделать это не всегда просто, поскольку нарушения прав не всегда сопровождаются выдачей официальных свидетельств, а сам адвокат или правозащитник протокол нарушений прав человека не составляет, он лишен такой возможности. Поэтому в его задачу

¹² «Право легитимируется не только через виртуальные тексты первичных источников права, и не только через политические тексты государственной власти, но и через актуальные тексты, создаваемые самой практикой реализации прав и обязанностей» (Поляков А. В. Коммуникативный подход в общей теории права // Проблемы філософії права. Київ, 2006–2007. Т. IV–V. С. 63).

входит получение достоверных, имеющих значение официальных данных или убедительных доказательств нарушения законных интересов. Когда эти данные может представить лишь тот орган, который и явился виновником правонарушения, задача осложняется. У виновных лиц нет мотива для публичного обнаружения собственной вины. Поэтому его надо сформировать. Здесь возможны несколько тактических комбинаций. Во-первых, не надо игнорировать принуждение к ответу перед официальной инстанцией, куда направлена жалоба. Когда нет особой интриги, так и поступают. Но если дело принимает серьезный оборот, практикующие юристы действуют более изощренно. Прямолинейные ходы раскрывают цель и позицию, намерения оказываются очевидны, действия и последствия легко прогнозируются процессуальным противником. Тогда со стороны нарушителя возможна глухая оборона, вплоть до фальсификации доказательств и отрицания причастности к факту нарушения законных интересов. Вторым вариантом можно назвать провокацию косвенного ответа для подтверждения каких-либо обстоятельств. Ответчик втягивается в полемику, переписку, в которой не всегда контролирует правовые последствия официальных утверждений. В-третьих, иногда можно наблюдать тактику «параллельного конфликта». Здесь прогнозируется и искусственно создается ситуация, в которой нужное истцу сообщение играет положительную роль для защиты интересов виновных лиц. Например, документ, чье доказательственное значение имеет смысл и ценность, приобщается к материалам дела в другом судебном процессе, результат которого не имеет для истца серьезного значения, а затем истребуется как искомое доказательство на основании заявленного ходатайства.

Из этих примеров явствует, что язык описания правовых стратегий не сформировался, он еще беден. Это, возможно, объясняется неохотой, с которой профессиональные юристы делятся своим опытом, и пренебрежением теории права к теме правовых технологий, поскольку долгое время юридическая наука была предназначена исключительно для описания и совершенствования властно-государственной деятельности.